

Глава 1

Свобода и зависимость

Возможно, наиболее общим в нашем опыте является то, что мы одновременно и свободны, и несвободны, что, понятно, более всего нас смущает. Это, несомненно, — одна из наиболее сложных загадок человеческого существования, которую пытается разрешить социология.

Я свободен: я могу выбирать и делаю свой собственный выбор. Я могу продолжать читать эту книгу, а могу прекратить чтение и выпить чашку кофе. Или вообще забыть об этой книге и пойти прогуляться. Более того, я могу вообще отказаться от своего плана — изучать социологию и получить диплом, а вместо этого начать искать работу. Коль скоро я могу выбрать все это, то мое намерение прочитать данную книгу, изучить социологию и получить диплом в колледже есть результат моего выбора; это те направления действия, которые я выбрал из доступных мне альтернатив. Принятие решений свидетельствует о моей свободе. В самом деле, свобода означает способность решать и выбирать.

Даже если я особенно и не задумываюсь над своими выборами и принимаю решения, не размышляя глубоко над всеми другими возможностями действия, то другие люди напомнят мне о моей свободе. Мне скажут: “Ты сам так решил, и никто, кроме тебя, не отвечает за последствия” или “Никто не заставлял тебя делать это, поэтому винить можешь только себя!” Если же я сделаю что-то, чего другие мне не позволяли делать или от чего обычно воздерживаются (если я, так сказать, нарушу правило), то я могу быть наказан. Наказание подтвердит мою *ответственность* за то, что я сделал; оно подтвердит, что я мог, если бы захотел, воздержаться от нарушения правила. Я мог бы, например, явиться на занятие, а не отсутствовать без уважительной причины. Иногда мне говорят о моей свободе (и о моей ответственности) в более сложной для моего восприятия форме, чем в приведенных примерах. Например, мне могут сказать, что я сам полностью виноват в том, что остаюсь безработным, а если бы как следует постарался, то смог бы наладить жизнь. Или что я мог бы стать совсем другим человеком, если бы разбился в лепешку ради достижения своей цели.

Если этих последних примеров недостаточно для того, чтобы заставить меня остановиться и задуматься, действительно ли я свободен и сам контролирую свою жизнь (я мог старательно искать работу, но не найти, поскольку не было ни одного предложения; или я мог изо всех сил пытаться начать другую карьеру, однако путь туда, куда я хотел, был для меня закрыт), то в моем жизненном опыте было достаточно много и других ситуаций, которые вполне ясно показали мне, что моя свобода фактически ограничена. Подобные ситуации научили меня: одно дело — выбирать, что решать самому, какой цели следовать и стремиться всеми силами добиться ее; и совсем другое дело — иметь возможность действовать в соответствии с намеченной целью и достичь ее.

Во-первых, я прежде всего узнал, что и другие люди могут стремиться к тем же целям, что и я, но не все могут достичь их, поскольку количество того, что мы все желаем, ограничено, т.е. меньше, чем людей, претендующих на него. Если же это тот случай, когда я оказываюсь вовлеченным в конкуренцию, то исход моего участия в ней зависит не только от моих усилий. Например, я могу претендовать на место в колледже, зная, что на каждое место претендуют двадцать абитуриентов, что большинство из них обладают необходимой подготовкой и тоже пользуются своей свободой разумно, т.е. делают именно то, что и должны делать люди, собирающиеся стать студентами. И тут окажется, что результаты моих и их усилий зависят от других людей — тех, кто решает, сколько мест предоставлять, кто оценивает навыки и усилия абитуриентов. Именно они устанавливают правила игры, в то же время

являясь и судьями, поскольку за ними остается последнее слово в отборе победителей. У них есть право отказать, и на этот раз их свобода выбора и принятия решений касается моей судьбы и судьбы моих соперников, т.е. именно их свобода, как оказывается, устанавливает пределы моей свободы. Мое положение зависит от того, какие они принимают решения относительно своих действий, что означает: их свобода выбора приносит элемент неопределенности в мою ситуацию. Данный фактор я не могу контролировать, он оказывает огромное влияние на результаты моих стараний. Я зависим от этих людей, потому что они контролируют ту самую неопределенность. В конце экзаменационного дня именно они огласят вердикт о том, были ли мои усилия достаточными, чтобы быть принятым.

Во-вторых, я узнал, что моего решения и доброй воли еще недостаточно, если у меня нет средств для того, чтобы обеспечить осуществление своего решения. Например, в поисках работы я могу решить поехать на юг страны, где ее много, но потом обнаружить, что квартплата и налоги на юге непомерные и превышают мои средства. Или у меня может возникнуть желание убежать от мерзости запустения городских жилищ и обосноваться в зеленом, чистом пригороде, однако я вновь пойму, что не могу себе этого позволить, поскольку дома в лучших и вожаделенных местах стоят больше, чем я могу себе позволить. Опять же, меня может не удовлетворять образование, которое получают мои дети в школе, и я могу пожелать, чтобы их обучали лучше. Но там, где я живу, может не оказаться другой школы, и мне скажут, что, если я хочу лучшего образования для своих детей, то мне следует послать их в более богатую, лучше оборудованную частную школу и заплатить взносы, которые зачастую бывают выше, чем весь мой доход. Эти примеры (как и многие другие, которых вы тоже сможете привести немало) говорят о том, что сама по себе свобода выбора еще не гарантирует свободу эффективно действовать по собственному выбору; еще меньше она обеспечивает свободу достижения желаемого результата. Для того чтобы действовать свободно, кроме свободной воли мне нужны еще и ресурсы.

Обычно такими ресурсами являются деньги, хотя они — не единственный ресурс, от которого зависит свобода действий. Может оказаться, что свобода действий в соответствии с моими желаниями зависит не от того, что я *делаю*, и даже не от того, что я *имею*, а от того, что я *есть*. Например, мне могут запретить войти в какой-нибудь клуб, не принять на работу из-за каких-то моих качеств, скажем, расы, пола, возраста или национальности. Ни одно из этих качеств не зависит ни от моей воли, ни от моих действий, и никакая свобода не позволит мне изменить их. Иначе говоря, доступ в клуб для меня, принятие на работу или в школу может зависеть от моих прежних заслуг (или от отсутствия таковых) — приобретенных навыков, диплома, стажа предшествующей работы, накопленного опыта или местного акцента, усвоенного в детстве и до сих пор не исправленного. В таких случаях я могу убедиться, что такие требования не совпадают с принципом моей свободы воли и ответственности за мои действия, поскольку отсутствие навыка или послужного списка — это длящиеся по сей день последствия того, что я выбрал в прошлом. Теперь я ничего не могу поделать, чтобы изменить свой прежний выбор. Моя свобода сегодня ограничена прошлой свободой; я “предопределен”, т.е. связан в настоящей своей свободе своими прошлыми действиями.

В-третьих, может оказаться (рано или поздно, но наверняка), что, если я, скажем, британец и мой родной язык — английский, то уютнее всего я чувствую себя дома, среди людей, говорящих по-английски. И я не уверен, что в другом месте мои действия имели бы тот же эффект, как не уверен и в своих действиях, и потому чувствую себя несвободным. Я не могу свободно общаться, не понимаю смысла того, что делают другие люди, и я не знаю, что мне самому делать, чтобы выразить свои намерения и достичь желаемого результата. Я чувствую себя растерянным и во

многих других ситуациях, не только при посещении других стран. Подобно этому, выходец из рабочей семьи может чувствовать себя неловко среди богатых соседей из среднего класса, или, например, будучи католиком, я могу обнаружить, что не могу жить, как тот, кто разделяет идею о свободе воли и обычаях, согласно которым разводы и аборты признаются как вполне ординарные факты жизни. Если бы у меня было время поразмыслить над такого рода опытом, я, вероятно, пришел бы к выводу, что и та группа, в которой я чувствую себя как дома, тоже налагает ограничения на мою свободу. Именно в этой группе я наиболее полно могу осуществить свою свободу (что означает: только в ней я могу правильно оценить ситуацию и выбрать способ действия, приемлемый для других и вполне соответствующий ситуации). Однако уже сам факт, что я так хорошо приспособился к действиям в группе, к которой принадлежу, ограничивает мою свободу действий в огромном, плохо размеченном, зачастую отталкивающем и пугающем пространстве за пределами группы. Научив меня своим способам и приемам, моя группа позволяет мне на практике действовать свободно. Но тем самым она ограничивает эту практику своей территорией.

Таким образом, в том, что касается моей свободы, группа, к которой я принадлежу, играет неоднозначную роль. С одной стороны, она *позволяет* мне быть свободным; а с другой — *ограничивает*, очерчивая пределы моей свободы. Она позволяет мне быть свободным постольку, поскольку наделяет меня желаниями, которые приемлемы и “реалистичны” внутри моей группы, учит выбирать способы действия, помогающие достичь желаемого, формирует у меня способность правильно понимать ситуацию и, следовательно, точно ориентироваться относительно действий и намерений других людей, влияющих на результаты моих усилий. В то же время эта группа фиксирует территорию, в пределах которой я могу правильно пользоваться своей свободой. И все то наследие, которым я ей обязан, все бесценные навыки, приобретенные в группе, превращаются из достоинств в препятствия в тот момент, когда я осмеливаюсь переступить границы своей группы и попадаю в иную среду, где поощряются другие желания, признается правильной другая тактика поведения, а связь между поведением людей и их намерениями не похожа на ту, к которой я привык.

Это, однако, не единственный вывод, который я мог бы сделать, если бы имел возможность и желание подумать над своим опытом. В частности, я мог бы обнаружить и нечто более обескураживающее, а именно: та самая группа, которая играет столь неоднозначную и все же важную роль в моей свободе, не является предметом моего свободного выбора. Я — член этой группы уже в силу своего рождения в ней. Территория моего свободного действия как таковая тоже не есть предмет моего свободного выбора. Группа, сделавшая меня свободным человеком и продолжающая охранять область моей свободы, взяла на себя и контроль над моей жизнью (над моими желаниями, целями, а также действиями, которые мне следует предпринимать, и действиями, от которых следует воздержаться, и т.п.). То, что я стал членом этой группы, не было актом моей свободы. Наоборот, это было проявлением моей зависимости. Я не могу решить, быть ли мне французом, или быть черным, или принадлежать к среднему классу. Я могу лишь принять это как свою судьбу — невозмутимо или смиренно; могу признать как неизбежность, предназначенье: смаковать и всячески превозносить его, решив извлечь из него все возможное — афишировать свое французское происхождение, гордиться красотой своего черного тела или вести себя в жизни осторожно и добропорядочно, как и подобает приличному представителю среднего класса. Однако если я захочу изменить свое состояние, предписанное группой, и стать каким-то иным, то мне придется стараться изо всех сил. Такое изменение потребует гораздо больше усилий, самопожертвования, решительности и выносливости, чем нормальная, спокойная и

уютная жизнь соответственно воспитанию, полученному в той группе, в которой я был рожден. И тогда может оказаться, что моя собственная группа — это мой самый страшный противник в моей борьбе. Контраст между легкостью плавания по течению и трудностью плавания против него и составляет секрет той власти, которую имеет надо мной моя группа, — секрет моей зависимости от нее.

Если я присмотрюсь внимательнее и составлю список всего, чем я обязан группе, к которой (к счастью или к несчастью) принадлежу, то он получится довольно длинным. Для краткости я могу разделить все, перечисленное в списке, на четыре большие категории. Во-первых, я разделю цели на те, осуществления которых стоит добиваться, и те, которые не стоят моих хлопот. Если бы мне довелось родиться в семье из среднего класса, то, скорее всего, я бы постарался получить высшее образование, потому что это казалось бы мне обязательным условием правильной, успешной, хорошей жизни; если бы мне случилось родиться в рабочей семье, то вполне вероятно, я бы рано бросил школу и занялся работой, которая не требует длительного обучения, но позволяет непосредственно “наслаждаться жизнью” и в дальнейшем, возможно, поддерживать семью. Таким образом, я беру у моей группы цель, ради достижения которой я должен приложить свою способность “свободного выбора”. Во-вторых, средства, которые я использую, добиваясь какой-либо цели, внушенной мне группой, я тоже получаю от группы; они составляют мой “частный капитал”, который я могу использовать для осуществления своих планов. Эти средства — речь и “язык тела”, с помощью которых я сообщаю о своих намерениях другим, та энергия, с которой я посвящаю себя согласно каким-либо устремлениям, в отличие от других, и вообще это формы поведения, соответствующие, как считается, той задаче, которую я ставлю перед собой в жизни. В-третьих, критерий соответствия, т.е. искусство различать вещи и людей, соответствующих и не соответствующих поставленной мною задаче. Моя группа учит меня отличать моих союзников от врагов или соперников, равно как и от тех, кто ни тем, ни другим не является и кого я могу не принимать в расчет, пренебрегать и обращаться презрительно. И наконец, но не в последнюю очередь, это моя “карта мира”, и то, что обозначено на ней, по сравнению с тем, что можно увидеть на картах других, на моей выглядит белыми пятнами. И все-таки эта карта помогает мне выбирать понятные жизненные маршруты — набор вполне реальных жизненных планов, подходящих для “людей вроде меня”. В общем, я очень многим обязан моей группе, а главное — теми огромными знаниями, которые помогают мне каждый день и без которых я просто не смог бы жить.

В большинстве случаев я, фактически, не осознаю, что владею всеми этими богатыми знаниями. Если бы меня спросили, например, каким кодом я пользуюсь в общении с другими людьми и расшифровываю значение их действий по отношению ко мне, то, по всей вероятности, ничего вразумительного я бы не смог ответить. Я бы, наверное, просто не понял, о чем меня спрашивают, а если бы и понял, то не смог бы объяснить этот код (как не могу объяснить простейшие грамматические *правила*, хотя употребляю их точно, не задумываясь и без особого труда). Вот так и знания, которые нужны мне, чтобы справляться с повседневными жизненными проблемами, обитают где-то внутри меня. Они каким-то образом даны в мое распоряжение если не в виде правил, поддающихся формулировке, то как набор практических *навыков*, которыми я свободно пользуюсь из дня в день всю мою жизнь.

Именно благодаря этим знаниям я чувствую себя уверенно, и мне не надо каждый раз искать правильные ходы. И если я свободно владею этими знаниями, даже не осознавая того, то только... потому, что большую часть их основных понятий я усвоил еще в раннем детстве, из которого мы мало что помним. Вот почему, даже углубляясь в свой жизненный опыт или личные воспоминания, я почти ничего не могу сказать о том, как я приобрел эти знания. И именно из-за такой моей

забывчивости относительно их происхождения они закрепились так основательно и возымели власть надо мной, что я воспринимаю их как само собой разумеющееся, как нечто “естественное” и никогда не сомневаюсь в них. Для того чтобы выяснить, как знания повседневной жизни формируются реально и затем “вручаются” мне группой, я должен обратиться к результатам исследований, проведенных профессиональными психологами и социологами. А обратившись к ним, я начинаю ощущать, что эти результаты настораживают: то, что казалось мне самоочевидным, само собой разумеющимся и естественным, теперь оказывается набором верований, в основе которых лежит лишь авторитет группы, одной из многих.

Пожалуй, никто так не содействовал осмыслению процесса интернализации, освоения групповых норм и стандартов, как американский социальный психолог Джордж Герберт Мид. Прежде всего он ввел основные понятия для описания процесса получения важнейших навыков социальной жизни, и с тех пор эти понятия широко используются в социологии. Самыми известными среди них являются понятия “I” (“Я”) и “Me” (“Меня”, “Мне”), отражающие двойственность личности, как бы разделение ее на две части: внешнюю (точнее, ту, которая, как кажется человеку, привносится извне, из общества, его окружающего, в виде требований и образцов поведения) часть личности, т.е. “Me”; другая же часть, “I” — это внутренний стержень личности, с позиций которого рассматриваются, оцениваются, накапливаются и окончательно оформляются внешние социальные требования и ожидания. Роль, которую играет группа в формировании личности, проявляется посредством “Me”. Дети знают, что за ними наблюдают, их оценивают, наказывают, заставляют вести себя определенным образом, наставляют на путь истинный, если они выбиваются из колеи. Этот опыт откладывается в личности растущего ребенка, концентрируясь в образе тех *ожиданий*, которые предъявляют к нему (или к ней) другие. Они — другие — видимо, имеют какое-то средство для того, чтобы различать правильное и неправильное поведение. Они поощряют правильное поведение и наказывают неправильное как *отклонение* от нормы. Воспоминания о поощряемых и наказуемых действиях постепенно смешиваются в неосознанное понимание правила — что ожидают и чего не ждут — внутри “Me”, которое является не чем иным, как образом личности, сложившимся об этом человеке как личности у других. Более того, “другие” — это не любые и не случайно попавшие в его окружение. Из множества людей, с которыми ребенок вступает в контакты, он как личность выбирает лишь некоторых, *значимых других*, а именно тех, чьи оценки и реакции значат для него гораздо больше, чем оценки кого бы то ни было, их оценки более устойчивы, постоянны и воспринимаются острее, а потому они и более эффективны.

Из сказанного можно было бы сделать неверное заключение, будто развитие личности путем обучения и воспитания — это пассивный процесс и будто эту работу делают другие, и только они, напичкивая ребенка всякими предписаниями и — с помощью кнута или пряника — уговаривая и заставляя послушно следовать им. На самом деле все обстоит иначе. Ребенок как личность формируется во взаимодействии со средой. Активность и инициатива характерны для обеих сторон этого взаимодействия. И едва ли может быть иначе. Одно из первых открытий, которые должен сделать для себя ребенок, это то, что “другие” различаются между собой. Они редко видят друг друга в глаза и отдают команды, не согласующиеся между собой, а потому и не выполнимые одновременно. Во многих случаях выполнение одной команды невозможно без отмены другой. В числе первых навыков, которые должен усвоить ребенок, следует назвать навыки отбора и отсева; такие навыки нельзя усвоить, не развив способности отвергать и выдерживать нажим, занимать позицию, сопротивляться действию хотя бы части внешних сил. Другими словами, ребенок учится *выбирать* и принимать *ответственность* за свои действия. Как раз эту способность и представляет собой та часть личности, которую именуют “I”. Зная

о противоречивости и непоследовательности содержания “Ме” (в силу противоречивости сигналов об ожиданиях, поступающих мне от различных значимых других) “Я” должен отстраниться, дистанцироваться и взглянуть на внешние принуждения, воспринятые моим “Ме”, как бы со стороны; проверить их, классифицировать и оценить. В конечном счете именно “Я” делает выбор и тем самым становится истинным, полноправным “автором” предпринимаемого действия. Чем сильнее “Я”, тем более *автономна личность* ребенка. Сила “Я” проявляется в способности и готовности личности подвергать социальное давление, которое усваивает, интернализует ее “Ме”, сомнениям, проверять его истинную силу и пределы, испытывать и принимать последствия.

Важнейшая задача различения “Ме” и “Я” (т.е. возникающей у ребенка как личности способности наблюдать, отслеживать, осмыслять требования значимых других) решается благодаря активности ребенка в процессе *исполнения им своей роли*. Играя роли других, например матери или отца, воспроизводя их поведение (включая их поступки по отношению к самому ребенку), он учится искусству смотреть на действие как на *воспринятую* роль, т.е. нечто такое, которое можно делать, а можно и не делать; действие означает поступок, соответствующий ситуации, и в зависимости от ситуации оно может меняться. Но тот, кто действует подобным образом, еще не настоящий я — не “Я”. По мере того, как дети подрастают и накапливают знание о различных ролях, они все увереннее участвуют в играх, в которых есть не только простое исполнение роли, но и элементы кооперации и координации с другими исполнителями ролей. Ребенок все чаще пробует себя в искусстве, самом главном для истинно независимой личности, — в выборе соответствующего характера действия в ответ на действия других, в побуждении или принуждении других действовать так, как нужно ему.

Благодаря исполнению ролей, игры ребенок приобретает привычки и навыки, навязываемые ему извне социальным миром, и вместе с тем способность действовать в этом мире как свободная — независимая и ответственная — личность. В этот период ребенок вызывает особое, двойственное отношение к себе, которое мы все хорошо знаем: он — *ставшая* личность (смотрит на свое собственное поведение как бы со стороны, одобряя или осуждая его, пытаясь контролировать и, если необходимо, исправлять) и одновременно он — *становящаяся* личность (спрашивает себя: “Что я представляю собой на самом деле?”, “Кто я такой?”, время от времени восставая против навязываемой ему другими людьми модели поведения, стремясь вместо нее к тому, что он называет “настоящей жизнью”, соответствующей его истинной индивидуальности). Я ощущаю противоречие между свободой и зависимостью как внутренний конфликт между тем, что я хочу делать, и тем, что я обязан делать, следуя тому, что значимые другие сделали из меня (или намеревались сделать).

Значимые другие не лепят личность ребенка из ничего; они, скорее, запечатлевают свой образ мира на “естественных” (досоциальных, или, точнее, довоспитательных) предрасположенностях ребенка. И хотя в целом такие предрасположенности — инстинкты и влечения — играют в человеческой жизни меньшую роль, чем в жизни животных, тем не менее они присутствуют в биологическом наследии каждого новорожденного человеческого существа. Что это за инстинкты — вопрос спорный. Ученые расходятся во мнениях, причем их точки зрения разнятся достаточно сильно: от попыток объяснить большую часть якобы социально навязанного поведения только причинами биологического характера (биологическими детерминантами) до веры в почти безграничные возможности социального преобразования человеческого поведения. И все же большинство ученых, скорее, поддерживает притязания общества на его право устанавливать и навязывать стандарты приемлемого поведения, равно как и сам аргумент,

поддерживающий эти притязания: социальное обучение необходимо, поскольку естественные предрасположенности людей делают их совместное существование либо невозможным, либо чреватым насилием и опасностями. Большинство ученых согласны с тем, что воздействие некоторых естественных влечений особенно сильно, и потому определенная группа людей должна тем или иным способом сдерживать их. Чаще всего в качестве таких влечений, которые весьма рискованно оставлять без контроля, называют *сексуальные* и *агрессивные* влечения. Ученые отмечают, что если бы им дали полную свободу, то в результате они привели бы к конфликтам такой силы, которую не смогла бы сдержать ни одна группа, и социальная жизнь вряд ли была бы возможна.

Все выжившие группы должны были сформировать, как нам говорят, эффективные способы приручения, сдерживания и подавления, которые позволяют контролировать проявления этих влечений. Зигмунд Фрейд — основатель психоанализа — предположил, что весь процесс саморазвития и социальной организации групп людей можно объяснить, исходя из необходимости и потребности практических усилий для контроля за проявлениями социально опасных влечений, особенно сексуальных и агрессивных инстинктов. Фрейд полагал, что инстинкты неуничтожимы, их нельзя разрушить, а можно только “подавить”, вытеснить в подсознание. В этом чистилище их удерживает “суперэго”¹, усвоенное, интернализованное индивидом знание требований и принуждающих воздействий со стороны группы. Фрейд метафорически назвал “суперэго” “гарнизон, оставленный в завоеванном городе” победоносной армией общества, чтобы держать в постоянном подчинении подавленные инстинкты — подсознательное. Само “эго”, таким образом, оказывается между двумя силами: инстинктами, вытесненными в подсознание, но все еще могущественными и мятежными, с одной стороны, и “суперэго” (родственное мидовскому “Me”), вынуждающего “эго” (родственное мидовскому “I”) держать влечения в подсознании и предотвращать их побег из заточения. Норберт Элиас, германско-британский социолог, который проанализировал гипотезы Фрейда в обширном историческом исследовании, предположил, что личностный, индивидуальный опыт, имеющийся у каждого из нас, происходит именно из этого двойного давления. Уже упомянутое двойственное отношение к нашей собственной личности проистекает из двойственности (амбивалентности) того положения, в которое нас загоняют два побуждения, действующие в противоположных направлениях. Живя в группе, я должен контролировать *себя*. Личность есть нечто, которое необходимо контролировать, и я — один из тех, кто должен это делать...

Несомненно, все общества контролируют естественные наклонности своих членов и делают все, чтобы сохранить определенный уровень допустимых взаимодействий. Однако менее определенны наши знания относительно другого вопроса, а именно: только ли нездоровые, антисоциальные стороны естественных задатков подавляются в этом процессе (хотя именно это и заявляют власти, выступающие от имени всего общества). Насколько нам известно, нет достаточно определенных свидетельств того, что человек по природе своей агрессивен и потому его надо укрощать и приручать. То, что пытаются представить как вспышку естественной агрессивности, зачастую оказывается лишь стремлением выплеснуть бессердечие и ненависть — качества, имеющие скорее социальное, нежели генетическое, происхождение. Другими словами, если верно утверждение, что группы обучают своих членов определенным навыкам поведения и контролируют его, то из него отнюдь не следует, что они тем самым делают их поведение более человеческим и нравственным. Это означает только, что в результате такого “натаскивания”, надзора и корректировок поведение члена группы лучше

¹ От латинского *ego* — я. (Прим. перев.)

приспосабливается к образцам, которые в данной социальной группе признаются правильными и поощряются.

Процесс формирования “Me” и “I”, подавления инстинктов и выработки “суперэго” часто называют социализацией. Я социализирован (т.е. преобразован в существо, способное жить в обществе), поскольку могу, благодаря интернализации социального принуждения, жить и действовать в группе; поскольку я приобрел навыки поведения, разрешенного обществом, и, соответственно, навык быть “свободным”, нести ответственность за свои действия. А те значимые другие, которые сыграли такую важную роль в приобретении этих навыков, могут рассматриваться как агенты социализации. Но кто они? Как мы видели, реальной силой, непосредственно участвующей в развитии личности, являются *представления* ребенка о намерениях и ожиданиях других людей (причем не обязательно тех намерениях и ожиданиях, которые на деле разделяют эти другие); ребенок сам осуществляет отбор значимых других из множества людей, попадающих в его поле зрения. По существу свобода выбора у ребенка неполная; одни “другие” могут проникнуть в мир ребенка и повлиять на его выбор быстрее, чем иные “другие”. Тем не менее, вырастая в мире, населенном группами, которые движутся к разным целям и у которых разные стили жизни, ребенок едва ли избежит выбора; если требования “других” противоречивы и не могут быть удовлетворены в одно и то же время, то некоторым из них должно быть уделено больше внимания, чем другим, и соответственно они должны быть более значимыми.

Необходимость дифференцированно определять значение (соответствие) требований не связана с положением ребенка. И вы, и я ежедневно испытываем эту необходимость. Из дня в день я должен выбирать между требованиями семьи, друзей, начальников, каждый из которых одновременно чего-то хочет от меня. Я вынужден рисковать утратить расположение любимых и уважаемых мною друзей, чтобы умиротворить кого-то еще, которого я люблю не меньше. Когда бы я ни высказывал свои политические взгляды, я могу быть уверен, что некоторым людям из тех, кого я знаю и уважаю, эти взгляды не понравятся, и они затаят на меня обиду за такие высказывания. Я мало что могу сделать для предотвращения подобных неприятных последствий собственного выбора. Приписывание соответствия с неизбежностью означает и приписывание несоответствия; выбор одних людей как значимых означает, с необходимостью, признание кого-то другого незначимым или, по крайней мере, менее значимым. Зачастую это предполагает риск вызвать чье-то возмущение, и он возрастет в зависимости от степени гетерогенности (неоднородности) среды, в которой я живу, — от степени ее конфликтности разорванности на группы с противоположными идеалами и образом жизни.

Отобрать значимых других из этого окружения — значит сделать выбор из многих групп одной, которая становится референтной группой; по ней я сверяю свое поведение, ее я принимаю за образец для всей своей жизни или для определенного ее периода. Исходя из того, что я знаю о группе, выбранной мною в качестве референтной, я буду оценивать свое поведение и делать выводы о его качестве и соответствии. Обладая этим знанием, я буду испытывать приятное ощущение, если сделанное мною будет правильным, или почувствую неприятное предостережение о том, что мои действия должны быть иными. Я буду стараться во всем следовать своей референтной группе: в манерах говорить, одеваться, подбирать выражения и т.п. Я постараюсь научиться у референтной группы, когда, при каких обстоятельствах быть дерзким и непочтительным, а когда послушно следовать общим предписаниям, нормам. Из образа моей референтной группы, который я нарисовал себе, я буду черпать, например, советы относительно того, что заслуживает моего внимания, а что — ниже моего достоинства. Я все буду делать так, как если бы я искал одобрения у моей референтной группы; как если бы я хотел

быть принятым в число ее членов в качестве “одного из них”, получить от нее одобрение моего образа жизни; как если бы я старался избежать крутых мер, которые референтная группа может применить по отношению ко мне, чтобы выправить мое поведение или отплатить мне тем же за нарушение правил.

И все же в основном именно *мой* отбор и анализ, выводы и действия делают референтную группу столь мощным агентом, формирующим мое поведение. Зачастую сами группы находятся в счастливом неведении относительно моего внимания к ним и моих усилий подражать тому, что я считаю их стилем жизни, и следовать тому, что я рассматриваю как его стандарты. Некоторые группы можно с уверенностью и по праву назвать нормативными референтными группами, поскольку они и в самом деле, по крайней мере иногда, устанавливают нормы моего поведения, наблюдают за моим поведением и тем самым оказываются в состоянии “нормативно влиять” на мои действия, вознаграждая или наказывая, поддерживая или исправляя их. Особенно значимыми среди таких групп являются семья, друзья, с которыми я провожу большую часть своего времени, учителя, начальники на работе, соседи, с которыми я не могу не встречаться часто и от которых мне трудно утаиться. Однако если они вынуждены отвечать на мои действия, то это еще не значит, что они автоматически становятся моей референтной группой. Они могут ею стать, если я их выберу, т.е. когда я отвечу на их внимание тем, что придам им, их ожиданиям относительно меня какое-то значение. Но я могу и проигнорировать их воздействие (даже с риском для себя) и выбрать образцы, осуждаемые ими. Я могу, например, нарочито пренебрегать идеями моих соседей относительно того, как разбить палисадник или каких людей следует принимать дома и в какое время. Я могу, скажем, вызвать неудовольствие своих друзей слишком усердными занятиями и неприятием их небрежности в выполнении долга. Я могу оставаться невозмутимым, когда группа требует живого участия и рвения. Для осуществления своего нормативного воздействия даже нормативные референтные группы нуждаются в моем согласии на то, чтобы я считал их таковыми для себя и по той или иной причине воздерживался от сопротивления их влиянию, приспособился к их требованиям.

Мое решение быть зависимым еще более проявляется в случае со сравнительными референтными группами, членом которых я не являюсь, поскольку остаюсь, так сказать, за пределами их влияния. Я наблюдаю за этими группами, будучи не замечен ими. Присвоение соответствия (значения) в данном случае одностороннее: я считаю их действия и стандарты значимыми, хотя они едва ли придают какое-то значение моему существованию. Из-за дистанции, существующей между нами, они зачастую физически неспособны проследить за моими действиями и оценить их; поэтому они не могут ни наказать меня за отклонения, ни вознаградить меня за послушание. Сегодня все мы, благодаря средствам массовой информации, особенно телевидению, вовлекаемся в постоянно расширяющийся поток информации о самых разных стилях жизни, поэтому роль сравнительных референтных групп в формировании современной личности возрастает. Средства массовой информации сообщают нам сведения о господствующей моде и новейших стилях одежды с невероятной скоростью, и эти сведения достигают даже самых отдаленных уголков мира. Точно так же они придают авторитет тем образцам, которые могут представить визуально: это, конечно же, те стили жизни, которые заслуживают быть показанными в средствах массовой информации и увиденными миллионами людей во всем мире, которые стоит обсуждать и которым, если это возможно, стоит следовать.

Полагаю, наше обсуждение до сих пор создавало верное впечатление о том, что процесс социализации не ограничивается детским опытом. Фактически он никогда не прекращается, длится всю жизнь, постоянно приводя в сложное взаимодействие свободу и зависимость. Социологи иногда говорят о вторичной

социализации с тем, чтобы отличать трансформацию личности в более поздний период от процесса усвоения ею элементарных социальных навыков в детстве. Они сосредоточивают внимание на ситуациях, когда вдруг отчетливо обнаруживаются и тяжело переживаются недостаточность или неадекватность первичной социализации в изменившихся условиях: когда, например, человек эмигрирует в далекую страну с непривычными обычаями и чужим языком и когда он, таким образом, должен не только приобрести новые навыки, но и забыть старые, которые теперь превращаются в препятствие; или когда человек, выросший в сельской глубинке, переезжает в большой город и чувствует себя там потерянным и беспомощным в напряженных потоках уличного движения, вечно куда-то спешащих толпах народа, среди безразличия прохожих и соседей. Предполагается, что подобного рода радикальные изменения могут служить причиной сильного беспокойства, частых нервных срывов и даже психических заболеваний. Отмечается также, что ситуация вторичной социализации с не менее существенными последствиями может наступить скорее в результате изменения внешних социальных условий, чем индивидуальной мобильности. Внезапная экономическая депрессия, рост массовой безработицы, развязывание войны, полное обесценение накапливающихся в течение всей жизни сбережений в результате резкого роста инфляции, потеря безопасности вследствие лишения права на прибыль или, наоборот, резкий рост благосостояния и перспектив продвижения, раскрытие новых, доселе немислимых возможностей — все это примеры именно таких случаев. Они “обесценивают” то, что было усвоено в процессе предшествующей социализации, и требуют радикальной перестройки индивидуального поведения, для которого необходимы новые навыки и новые знания.

Приведенные примеры помогают нам в наиболее острой и резкой форме представить проблемы, обусловленные вторичной социализацией. С менее очевидными проблемами каждый из нас сталкивается практически ежедневно; вероятнее всего, мы испытаем нечто подобное, когда нам придется срочно поменять школу; если мы, поступив в университет, вынуждены будем оставить его; если перейдем на новую работу, вступим в брак, приобретем собственный дом, переедем на новое место жительства, станем родителями, превратимся в пенсионеров и т.д. Вероятно, точнее представлять социализацию как непрерывный процесс, а не делить ее на две отдельные стадии. Диалектика свободы и зависимости начинается для человека с рождения и заканчивается только с его смертью.

Соотношение между обеими частями, или сторонами, этого непрерывного диалектического взаимодействия подвижно. В раннем детстве у ребенка очень мало свободы (если она вообще есть) в выборе группы, от которой он зависит. Каждый рождается в определенной семье, в определенном месте, в конкретном соседском окружении, представителем определенного класса или страны. Предполагается, что каждый, независимо от его желания, является представителем определенного народа и одного из двух социально приемлемых полов. С возрастом (т.е. с увеличением накопленных навыков и ресурсов действия) выбор расширяется; некоторые зависимости могут быть поставлены под сомнение и отвергнуты, другие — приняты добровольно. И все же свобода никогда не бывает полной. Вспомним такой факт: все мы зависим от наших прошлых действий, из-за них мы каждый раз оказываемся в положении, когда некоторый выбор, несмотря на всю его привлекательность, оказывается для нас невозможным, а издержки в случае изменений непомерны и неприемлемы. От слишком многого приходится “отучаться”, от слишком многих привычек приходится отказываться. И если какими-то навыками и ресурсами, которые можно было приобрести только на ранней стадии, мы тогда пренебрегли, то теперь уже очень поздно восстанавливать упущенные возможности. Достигнув

определенного возраста, мы чаще всего обнаруживаем, что вероятность и возможность “нового прорыва” неизмеримо далеки и ничтожны.

Соотношение свободы и зависимости неодинаково у всех людей. Вспомним, например, о той роли, которую играют доступные ресурсы в преобразовании выбора в ясное, реалистическое утверждение. Вспомним также о роли очерченных изначальным социальным местоположением “горизонтов”, которую они играют в формировании дальнейших жизненных планов и выборе наиболее привлекательных целей. Достаточно иметь в виду роль этих двух факторов, чтобы понять: хотя все люди свободны и не могут не быть свободными (т.е. они вынуждены брать ответственность за все, что бы они ни делали), тем не менее некоторые из них свободны больше, чем другие; их “горизонты” (спектр выбора) шире, и, приняв однажды решение относительно своих жизненных целей, они получают максимум ресурсов (денег, связей, образования, утонченных манер и т.п.) для их достижения; они более свободны, чем другие, в своих желаниях, в действиях, направленных на исполнение желаний, и в достижении желаемых результатов.

Можно сказать, что соотношение свободы и зависимости служит показателем относительного положения в обществе личности или целой категории людей. То, что мы называем привилегией, при более тщательном рассмотрении оказывается большей степенью свободы и меньшей степенью зависимости. Обратное верно для тех, кого называют лишенными привилегий.